

«Заходил в “Новую Русскую Книгу” Алексей Михайлович Ремизов, на которого всякому любопытно было посмотреть и которого всякому стоило послушать. Вроде карлика, угловатый, “футуристический”, весь “сделанный”, как и его проза – с завитками и завитушками. Конечно, Ремизов своеобразный прозаик и в литературе занял свое место, но я никогда не был поклонником его таланта; нравилась мне только его “Взвихренная Русь” (Временник 1917–1921 гг.). Ремизов – хитрюга и ловкач. Любил, чтоб о нем писали (хвалебно, конечно). Посему, наверное, вскоре и Яценко и я получили из его Обезвельволпала (Великой Обезьяней Вольной Палаты) превосходные грамоты, удостоверяющие, что мы возведены в кавалеры 1-й степени сего фантастического, придуманного Ремизовым, ордена. Яценко – с заяшными шариками. А я – с васильками. Грамоты эти Ремизов писал сам на плотной бумаге удивительной, старинной славянской вязью со всякими выкрутасами и росчерками и неизменно подписывал: скрепил забеглый канцелярист Обезвельволпала Алексей Ремизов. Когда я потерял грамоту, А. М. прислал мне, уже из Парижа, “взамен чудесно пропавшей грамоты” – новую, замечательную, с возведением меня уже в “берлинские полпреды Обезвельволпала”, с подписями мексиканского полпреда Д. Святополк-Мирского, парижского полпреда П. Сувчинского, а скрепил, конечно, забеглый канцелярист Алексей Ремизов. Эта грамота ездила со мной по всему свету, пока я не передал ее (вместе с другими документами) в прекрасный русский архив и музей моего друга Томаса Витни в Америке (Вашингтон, Коннектикут). Ремизов любил прибедняться, хныкать, жаловаться на беды жизни, но всегда жил неплохо, умел находить и издателей и почитателей; в годы эмиграции он ухитрился выпустить сорок четыре книги и в зарубежной печати опубликовал больше семисот отдельных опусов. В Берлине у Ремизовых на Кирхштрассе я был как-то всего раз. Но мой Друг, художник Н.В. Зарецкий, очень любивший Ремизова как великого забавника, бывал у него часто, крепко дружил с ним и много о нем рассказывал. Так, оказывается, Ремизов у себя устраивал выдумки-игры. С гостями. И вот как-то после обеда Ремизов объявил, что сегодня будет игра в ревком. И обращаясь к своей жене, богатырской женщине необычайно полных форм, Серафиме Павловне, рожденной Довгелло, – сказал: “Ну вот, Серафима Павловна, стало быть, вы будете у нас – ревком!” На что Серафима Павловна, обидевшись, ответила: “Я не хочу быть ревком, я хочу быть царица!” Так “игра в ревком” и не состоялась.

Одно время в Берлине Ремизов редактировал (вместе с Н.М. Минским) шуточный листок (в несколько печатных страниц) “Бюллетень дома искусств” и в нем печатал всякие фантастические штуки о братьях-писателях. Но некоторые из писателей (например, Е. Лундберг) на него за них обиделись, и листок прекратился на втором номере. Помню из него только заметку, как Н. Бердяев почему-то проглотил сливовую косточку и что из этого вышло. А о приехавшем в Берлин Борисе Пильняке сообщалось, что какие-то люди на каком-то собрании – с криком “Пильняк начинается!” – бросились друг на друга. Ремизов был хорош с А. Белым, Н. Бердяевым, М. Горьким».